

Встреча с интересным человеком
„Правда Востока“, Ташкент, 1991,

Шухрат АББАСОВ: 15 февр

«Всегда быть в творческой форме»

Известному узбекскому кинорежиссеру, профессору, народному артисту СССР Шухрату Аббасову исполнилось шестьдесят. Мы публикуем беседу с ним киноведа Хамидуллы Акбарова.

— Шухрат Салихович, кинематограф переживает сейчас далеко не лучшие свои времена. В пылу реформаторства делаются попытки отказаться от всего, что было создано в предшествующие десятилетия. А между тем вчерашний день национальной кинематографии представляется мне достаточно плодотворным и интересным. Во всяком случае, для узбекского художественного кино. Разумеется, не все удавалось. Но удачи помнились долго. Ныне кино — согласно модели, утвержденной пленумом Союза кинематографистов СССР, — должно приносить доход. Коммерциализация киноискусства привела к резкому увеличению количества киностудий и их продукции. А вот качество снизилось.

— У новой модели есть сильные и слабые стороны. Но в своей основе она прогрессивна. Согласен, и раньше создавались значительные кинополотна. Но не благодаря, а скорее вопреки существующей системе кинопроизводства. Потому что не было открытой конкуренции. Теперь открытая конкуренция помогает отбирать действительно талантливую молодежь и, значит, должна способствовать улучшению качества фильмов. Это, мне кажется, дело времени.

— Да, студиям предоставлена полная свобода. Но что-то не вижу, чтобы ею кинематографисты эффективно пользовались.

Художник должен быть вне политики. Искусство и

политика несовместимы. Наполеон сверху, с холма наблюдал за дислокацией войск. А Лев Толстой стоял и над Наполеоном, и над Кутузовым. Отсюда объективность оценки, глубина художественного исследования. Художнику в творчестве нельзя руководствоваться политическими мотивами. Когда он оказывается по ту или иную сторону баррикад, он как бы лишает себя одного глаза. Самое большое

достижение последних лет, по-моему, то, что в кинематографе цензура перестала делать погоду — запрещать, уничтожать.

— Но, с другой стороны, к чему приведет отсутствие какого-либо механизма, регулирующего репертуар для широкой аудитории? Уже сейчас мы видим, что экран все больше заполняет эротика.

— Есть эротика ради эротики. Но есть и эротика, достигающая высот искусства. Вот к этому мы должны стремиться. Если кино воспеваешь красоту, уважение к человеку, к женщине, то это надо поддерживать.

— Но к эстетическому восприятию этой красоты не все подготовлены. Школьник, студент при нынешней системе обучения не вооружен критериями оценки таких зрелищ.

— Вот именно. Значит, надо из этого ханжества выбираться. Между прочим восточная поэзия всегда воспевала красоту тела, лица, вообще человеческого облика. Тут хотелось бы сказать о неверной трактовке так называемых обычаев, традиций. Нас, кинематографистов, часто обвиняют в том, что не знаем обычаев и традиций, что фильмы наши по этой причине не национальны. И при этом забывается наша же история, литература. Скольким человеческих потерь связано с этими самыми обычаями. Вспомните, их жертвой стал герой Абдуллы Кадыри Атабек. А как боролся с предраассудками Хамзал Сейчас же стоит сказать с экрана такое же критическое — окажущее под огнем. Почему нельзя говорить правду, настоящую правду о себе? Подняться над собой, посмеяться над собой — это же великое дело!

— Но ведь есть у нас такая традиция. Достаточно вспомнить сатирические произведения Гулхани, Мукими, того же Хамзы, бесчисленные устные новеллы. А Абдулла Каххар, Саид Ахмад и многие другие писатели — разве они не смеются над собой, не высмеивают пороки нашей жизни? И это, считаю, свидетельство здоровья народа.

— А я приведу другой пример — как эта здоровая тенденция гасилась. Снимался фильм «Ты — не сирота», повествующий о годах войны. Тогда были и голод, и разруха. А руководители республики потребовали вырезать кадры, где запечатлена длинная очередь за хлебом. «Почему не показываете действующие заводы и фабрики?» По тем же соображениям — не показывать трудностей — меня вынудили существенно сократить фильм «Ташкент — город хлебный». Вот такая цензура, искажающая правду в угоду политике, недопустима.

— И тем не менее фильмы получились убедительными, экранная жизнь их оказалась долгой. Кстати, как вы воспринимаете теперь тех своих героев?

— Сейчас экстремальная ситуация — разрушение идеалов, политическая нестабильность, экономические трудности, рост преступности. То есть время, когда выявляются характеры. Думаю, и Мишка Додонов, прошедший голод 20-х годов, и Дзидра, Серсенбай, Абрам, их братья и сестры, пережившие войну, вполне вписались бы в сегодняшний день. И в наше драматическое время вели бы себя достойно.

— Не думаете сделать картину о нашем времени?

— Делаю. Только мелодраму. На студии «Камафильм» готовлюсь к съемке двухсерийного фильма «Паутина».

— Для нашего времени жанр не характерный. Мы только что говорили о возможности заглянуть в прошлое, создавать полотна о таких крупных, противоречивых исторических личностях, как Бабур, Навои, Македонский, Байкара, Тимур, Улугбек. А трагедия Усмана Насыра, Фитрата, Чулпана?

— Одно другое не исключает. Меня очень волнует образ Навои, его взаимоотношения с Хусейном Байкарой, который мне интересен не только как друг Алишера, но и как прекрасный поэт. Хочу отказаться от привычной интерпретации этого образа и предложить свою, основанную на фактах истории, трактовку.

— Радует, что юбилей свой вы встречаете на подъеме, погружены в творческие замыслы. И все же спрошу — часто ли случалось испытывать чувство творческого «истощения»?

— Такое чувство для художника равносильно смерти. Петр Ильич Чайковский как-то впал в это состояние. И тогда он в холодную пору вышел к реке и, раздевшись, стоял на берегу: хотел простудиться и умереть. Потому что не мыслил свою жизнь без творчества. А пока он стоял, легкими порывами набегал ветерок, звонко и ритмично падали прозрачные капли, под тонкой коркой льда журчала вода. И он вдруг почувствовал звенящую в воздухе музыку. Услышать ее мог только он — художник, ритмы. И он заспешил домой. И его большой дом, зимний сад наполнила музыка. Она теперь нам известна как Шестая симфония. Вовсе не помышляя сравнивать себя с великим музыкантом, скажу: жизнь настолько сложна, полна интересных, неожиданных событий, радостей, тревог, что постоянно держит в творческой форме.